

Памяти Д. А. Гольдгаммера.

(† 16 декабря 1922 г.).

И. А. Соколов.

В 3 часа дня в субботу 16 декабря скончался один из известнейших русских физиков, профессор Казанского Университета, Дмитрий Александрович Гольдгаммер. В беглой заметке, набрасываемой под свежим впечатлением кончины учителя, нет возможности охарактеризовать размеры понесенной русской физической наукой утраты и подвести итоги научному наследию, оставленному нам Д. А., но тем настойчивее чувствуется потребность посылить закрепить печатными строками исчезнувший из жизни образ видного ученого.

Д. А. Гольдгаммер родился в 1860 г. в семье военного врача. По окончании Московского университета в 1882 году он был оставлен покойным А. Г. Столетовым при его кафедре. В 1884 году молодой ученый уже сдал магистерский экзамен и был отправлен в заграничную командировку. Местом работы Д. А. явился Страсбург; его учителем стал Кундт, из лаборатории которого вышли П. Н. Лебедев, В. А. Ульянин, Г. Г. де-Метц и др. В 1888 году Д. А. вернулся из командировки и в течение полутора лет был ассистентом своего учителя А. Г. Столетова, до тех пор, пока в 1890 году не сделался приват-доцентом Казанского университета. И школа Столетова, и школа Кундта ручались за то, что талантливый молодой физик получит в своей научной деятельности направление, отвечающее современному уровню европейской науки. Однако провинциальная обстановка не дала Д. А. возможности развиться в сторону ученого-экспериментатора. До 1897 года физическим кабинетом Казанского университета заведывал проф. Н. П. Слугинов; Д. А. должен был довольствоваться чтением курса метеорологии и заведыванием убогой в то время метеорологической лабораторией. И позднее, когда по смерти Н. П. Слугинова и по получении докторской степени, после защиты диссертации: „Электро-магнитная теория света“, Д. А. занял кафедру физики в Казани, запущенный физический кабинет, скудно пополнявшийся точными приборами, помешающийся с 30-х годов прошлого столетия по наши дни в тесном и непригодном помещении, заставил его отложить до благоприятного времени экспериментальные работы. Этого времени Д. А. так и не дождался; его проектам о создании в Казани

настоящего физического института не суждено было осуществиться, — два раза — в 1904 году и в 1914, когда министерство народного просвещения готово было утвердить смету на постройку института, — война срывала осуществление мечты покойного ученого.

Итак, внешние обстоятельства не дали Д. А. работать экспериментально, в меру его знаний и дарований. Ему пришлось перенести свои изыскания в ту область, где он не мог встретить помех, — в область теоретической физики.

В этой сфере неотразимый отпечаток наложили на Д. А. научные впечатления его юности. Для штудирования к магистерскому экзамену, А. Г. Столетов указал Д. А. в качестве основного сочинения бывший тогда новым словом трактат Максвелла. Если и теперь книга Максвелла не потеряла для нас своего обаяния, то нетрудно представить себе, насколько сильно могло влиять на формирующееся мировоззрение молодого физика это научное откровение. И впечатлениям, вынесенным от чтения Максвелла, Д. А. остался верен во всю свою жизнь. Физика стала для него, по преимуществу, физикой эфира; в своих работах, включая последнюю: „Электромагнитные явления в движущихся средах“, он непрерывно разрабатывал теорию Максвелла. В этом отношении он шел главным образом, по стопам Друде. Развивая его толкования максвелловой теории, Д. А. создал свою теорию дисперсии, разработке и проверке которой на опытных данных посвящена его книга „Dispersion und Absorption des Lichtes“.

В сфере теоретических исследований, Д. А. помог его блестящий математический талант; в кругу представлявшихся ему задач он не знал математических трудностей; средствами анализа он владел с редким мастерством и блеском. Но не одним дарованиям был обязан Д. А. успеху своих теоретических работ. Вся жизнь его являлась непрерывным трудом, подчиненным неизменному распорядку. Ежедневно, с 8 часов утра Д. А. садился за письменный стол и углублялся в вычисления, в час дня он шел в университет на лекции; по возвращении он давал себе отдых, но в 8 часов вечера снова был за письменным столом до часу, до двух ночи. Этому порядку дня Д. А. оставался верен в продолжении едва ли не двадцати лет, зимой и даже летом, на даче. Только болезнь, да отъезд из Казани заставляли Д. А. изменять своим рабочим привычкам. Этот неустанный труд имел своим результатом многочисленные работы Д. А., напечатанные им как на русском языке в „Журнале Ф.-Хим. О-ва“, в „Известиях Казанского Физико-Математического О-ва“, в „Ученых записках Казанского университета“ так и на немецком в „Annalen der Physik“, „Phys. Zeitschrift“ и др.

Много писал Д. А. и статей, доступных широкому кругу читателей. Всем известны его „Наши сведения об эфире“, „Столетие физики“, „Время, пространство, эфир“ и мног. друг., наконец блестящая монография „Механические процессы“ (молекулы, эфир и электроны) в издании „Итоги науки“.

Много съездов русских естествоиспытателей могли считать в числе лучших своих сообщений доклады Д. А.: „О намагничивании света“, „О соответственных состояниях“, „Лучистая энергия и теория квант“, „О температуре солнца“ и т. д.; общие собрания съездов постоянно украшались содержательными и интересными по форме речами Д. А., которые он произносил с мастерством прирожденного оратора, внося в изложение научных истин свой живой темперамент, который он сумел сберечь на-ряду с размеренностью в приемах своей научной работы.

Как университетский преподаватель Д. А. был прекрасным лектором, как общего курса экспериментальной физики ¹⁾, который он сумел, несмотря на скромные средства казанского университета, обставить чрезвычайно интересно с опытной стороны, так и теоретических курсов. В изложении основ оптики и электромагнетизма Д. А. давал ученикам почувствовать свой математический талант и виртуозное мастерство в приложении математики к физическим исследованиям.

Школы учеников Д. А. не привелось создать: для того чтобы создавать экспериментаторов, у Д. А. не было подходящей лаборатории; для того чтобы поспевать за учителем в его достижениях вершин теоретической физики, его ученикам надлежало бы обладать дарованием, близким дарованию учителя, что является уделом не многих.

Будучи блестящим специалистом-физиком, Д. А. не замыкал своих интересов тесным кругом. В ряду научных его работ мы встречаем работы по химии, по физиологии; весьма интересны его „Процессы жизни в мертвой природе“ (Научное Слово, 1904).

Будучи крупным ученым, Д. А. был живым, отзывчивым на все явления действительности человеком. 1905 год увлек его даже в сферу политической публицистики — он сотрудничал в газете „Новая Жизнь“.

Университет, которому Д. А. служил свыше 30 лет, ценил научные заслуги Д. А. и личные его качества. Много лет подряд Д. А. был деканом физико-математического факультета и, наконец, в 1916 году стал ректором университета.

После октябрьской революции Д. А. пришлось сложить с себя звание ректора, несение которого было сопряжено с большими трудами и жертвами, надломившими уже немолодой организм Д. А. Сложив звание ректора, Д. А. не потерял своего влияния в университете. Он остался верным хранителем академических традиций до последних дней и не стеснялся смело высказывать свое авторитетное слово по всем вопросам усложнившейся жизни провинциального университета.

Последние годы тяжело переживались Д. А. С 1914 года прервалась связь с наукой Запада, и Д. А. больно переживал свою невольную

¹⁾ Напечатан 1-й том лекций Д. А. 2-й том, повидимому, погиб в типографии Риккера, куда он был сдан перед 1917 годом.

научную отсталость. Сознание изолированности еще более усилилось, когда в 1919—20 г.г. Казань вследствие расстройств почтового и железнодорожного сообщения оказалась оторванной от русских центров — Москвы и Петрограда, которые сумели сохранить у себя огонек научной жизни. Редко и неправильно доходили до Д. А. даже и русские научные издания. Необходимость увеличить заработок заставила Д. А. взять на себя чтение громадного числа лекций; последние годы он читал лекции ежедневно и утром и вечером; при этом зимой он пробирался по темным улицам Казани, с риском сломать ноги на обледенелом тротуаре, а придя в университет, не мог согреться в замерзавшем физическом кабинете, где уже не действовали водопроводные трубы и для демонстраций приходилось искусственно греть воду.

Но внешние невзгоды не могли принудить Д. А. изменить своей привычке к научной работе. Все свободное время он посвящал работе над „Электромагнитными явлениями в движущихся средах“ ¹⁾, которая, как он предчувствовал, должна была быть его лебединою песнью. Когда же усталость заставляла отвлечься от научной работы, Д. А. уходил в другую сферу: в последние годы жизни Д. А. занимался переводом любимой своей книги — Гетеовского „Фауста“, задавшись целью передать подлинник возможно точнее в отношении смысла и размера стиха; русским стихом Д. А. вообще владел недурно, и было бы весьма интересно увидеть перевод „Фауста“, сделанный Д. А., напечатанным.

Приступы сердечной болезни, сведшей Д. А. в могилу, появились у него еще в 1920 году, но сильных припадков не было до февраля 1921 года, когда врачи констатировали роковую грудную жабу. С этого момента жизнь Д. А. превратилась в медленное угасание, продолжавшееся почти год. Д. А. пришлось бросить чтение лекций, уйти от письменного стола на смертный одр. Сознание угасания, повидимому, не покидало Д. А. до последней минуты, и, вероятно, крупным утешением в его тяжелом состоянии была мысль о том, что его молодой сын, Александр Дмитриевич, только что окончивший университет, вступил на дорогу служения дорогой Д. А. физике и принимает от него его напутствия и заветы.

Русская наука не забудет яркой, живой фигуры Д. А. На страницах ее летописи рядом с именами Любимова, Столетова, Умова, Лебедева будет записано и имя Гольдгаммера.

¹⁾ Известия Физического Института М. Н. И., т. II. М. 1922.